

СЕМЬЯ – ПЕРВИЧНАЯ ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА, ОСОБЕННО В КИТАЕ

В. Попов, профессор Российской экономической школы

Стилизованное изображение женщины под крышей дома – это китайский иероглиф «Ань», означающий «мир, спокойствие, согласие».

«Не приставай к женщинам,
С этой недостойной привычкой должно быть
твердо покончено»

(слова из рожденной во время войны с Гоминданом и популярной и сегодня песни, в которой перечисляются восемь правил поведения солдата НОАК – Народно-освободительной Армии Китая).

«Пусть лучше развалится семья, чем
государство» (лозунг, пропагандирующий
политику «одна семья – один ребенок»).

До демократической революции 1911 года, которая свергла власть императора, в Китае небедные люди имели по несколько жен и содержанок. Гоминдан пытался поднять социальный статус женщины, но не особенно успешно. Девочкам раньше при рождении ломали пальцы ног и туго перебинтовывали их, чтобы ступня не росла – считалось, что чем меньше ступня, тем красивее. В коммунистическом же Китае женщины получили больше равноправия, чем в других странах Азии, включая и Японию. В Японии женщина по преимуществу может стать профессором, только если получила образование за границей – поступающие в американские университеты японки все сплошь именно так и пишут, подавая документы. В Китае об этом говорят с улыбкой, не иначе как о пережитке феодализма.

Теперь по тому, как женщина держится, даже и на улице, по манере говорить, по ее походке, можно почти безошибочно определить, откуда она – с Тайваня или с континента: если с Тайваня или из Японии, она обычно ведет себя более покорно и менее напористо, держится чуть позади мужа. Китайские женщины обиделись бы, если бы их представляли в компании как супругу такого-то, как это делают на Тайване. Женщины составляют 47% китайской рабочей силы против 35% в среднем в мире и 40% всех обучающихся в университетах. Китай – единственная в мире страна с более высоким уровнем самоубийств среди женщин, чем среди мужчин (15 и 13 соответственно на 100 000 жителей в 1998г. против 4 и 19 в США и 12 и 63 в России).

Все чаще женщины становятся предпринимателями и довольно успешными. Согласно журналу «Форбс», ежегодно публикующему списки самых богатых китайцев, в 2001г. среди 100 богатейших людей страны (которые имели на круг около 10 миллиардов долларов – самый бедный из сотни «стоил» 60 миллионов долларов, а 12 самых богатых – более 300 миллионов каждый) было 7 женщин.

Сие Цихуа – «железная леди» китайского бизнеса, возглавляющая крупнейшую в Китае и шестую по величине в мире сталелитейную компанию «Shanghai Baosteel» (21 млн. т стали в год, 100 тысяч занятых и 15 млрд. долларов продаж) – закончила университет Цинхуа в Пекине в 1966 году, как раз когда начиналась культурная революция, и проработала с дипломом инженера 12 лет техником на маленьком заводике в провинции Шэньси. Только в 1978 году, когда начались реформы, она получила должность инженера на вновь созданном металлургическом заводе в Шанхае и прошла весь путь до главного инженера, а теперь – председателя совета директоров флагмана китайской металлургии. «В Японии очень мало женщин-менеджеров, но в Европе и Америке это не редкость, - объясняла Сие Цихуа в недавнем интервью «Wall Street Journal». – ...В Китае общество, включая центральное правительство, поощряет компании, старающиеся продвигать сотрудников-женщин... Число женщин с магистерскими и докторскими дипломами в Китае относительно велико. Позвольте привести еще два примера – вице-премьер центрального правительства Ву И и губернатор провинции Цинхай Сун Сююань». Ву И, кстати сказать, еще и член Политбюро ЦК КПК, а начинала как инженер-нефтяник.

Замужние женщины в Китае сегодня фамилию мужа не берут, но сохраняют свою, девичью. Дети по закону могут взять фамилию любого из родителей, но, как и в других странах, чаще всего берут отцовскую. В Гонконге при англичанах вошли в обиход двойные фамилии замужних женщин (мужа и собственная), но обычай, видимо, скоро исчезнет, так как в континентальном Китае рассматривается как пережиток колониального прошлого и вызывает усмешки. Раньше девочкам давали «чисто женские» имена – цветов и разных красотостей, например, Сю Мэй (приятный цветок сливы) или Чунь Сян (аромат весны). После революции, главным образом в семьях партийцев, но не только, получили распространение имена революционные, типа наших Тракторин и Октябрин: Цзянь Го (строительство государства), Вэй Пин (береги мир), Бао Хуа (защитой Китай), Шэнли (победа).

Отношениям между полами в Китае присуща трогательная деликатность, кажущаяся архаичной в наш деловой и несентиментальный век. Рынок, конечно, принес с собой и проституцию, и браки по расчету, и много других «прелестей», но и здесь опять-таки, приходится только удивляться, как это уживается с целомудрием. Число ВИЧ-инфицированных в Китае (официально – 26 тысяч, по оценкам экспертов – около 0,5 миллиона) относительно невелико в сравнении с другими странами (на начало 2001г. около 0,5 миллиона в Западной Европе, 1 миллион в Северной Америке, 0,7 миллиона в Восточной Европе и бывшем СССР, 6 миллионов в Южной и Юго-Восточной Азии и 25 миллионов в черной Африке). Основным каналом распространения вируса – внутривенные инъекции, однако наркоманов в Китае пока мало, так как за наркотики наказывают очень строго, вплоть до смертной казни.

Китай дал миру одно из лучших произведений эротической литературы – «Цзинь пин мэй» («Цветы сливы в золотой вазе» – есть в русском переводе), однако при Мао оно было запрещено. Тогда в китайских романах и кинофильмах положительный герой/героиня не вступали ни в добрачные, ни во внебрачные связи. Сегодня все изменилось, пуританизм «культурной революции» для сегодняшних двадцатилетних уже история, молодежь знает о нем только понаслышке, но вот вековые традиции остаются. Юноше, ухаживающему за девушкой, в Китае положено написать ей письмо о своих чувствах – от того, как написано письмо, какова каллиграфия, поэтичность и искренность, зависит не в последнюю очередь решение девушки. Эти письма пишут не только юноши из интеллигентных семей, их пишут, по крайней мере в городах, чуть ли не все, а деревнях – многие.

Дети в Китае родителей не только почитают, но и заботятся о них в старости. Собственно говоря, больше о них заботится некому – пенсии есть только у работающих в госсекторе, то есть у абсолютного меньшинства китайцев. Только недавно стали вводиться обязательные отчисления в пенсионные фонды для работающих на негосударственных предприятиях, но у крестьян нет и этого. А крестьян, между тем, более трети населения – 58% населения живет в деревнях, хотя почти 20% из них заняты не сельским хозяйством, а работают в сельской промышленности. Социологические исследования свидетельствуют, что в отличие от западных стран, где внутрисемейные денежные трансферты незначительны, в России именно родители-пенсионеры помогают детям, а не наоборот. В развивающихся же странах, в том числе и в Китае, именно дети содержат родителей в старости. В Китае традиция требует заботиться о пожилых, даже когда у них

есть пенсия. Если престарелые родители вступают в повторный брак, то их взрослые дети встречаются и договариваются о том, кто и как будет помогать.

Политика «один ребенок в семье» в Китае воспринимается с пониманием – как, может быть, неприятная, но необходимая мера. Из этой политики исключены только нацменьшинства и некоторые сельские районы, а в городах она проводится со всей строгостью. Санкции за неадекватное планирование семьи рознятся от провинции к провинции.

Суровые запреты подкрепляются пропагандой, которая изобретательна, остроумна и несколько похожа на нашу 20-х годов – в этом, кстати сказать, примета китайского социального динамизма; железобетонно-угрюмые лозунги брежневского периода типа «Партия – наш рулевой» и «Храните деньги в сберегательной кассе» встречаются, но очень редко. Вот некоторые из лозунгов, призывающих к ограничению рождаемости, которые можно видеть в самых неожиданных местах – от вокзалов до проселочных дорог и заводских цехов: «Каждый гражданин ответственен за процветание страны, каждый муж отвечает за планирование семьи», «Стерилизация одного члена семьи – почет всей семье», «Рожайте меньше детей, сажайте больше деревьев», «Пусть лучше развалится семья, чем государство».

Мало кто сомневается, что одной из первых жертв быстрой демократизации в Китае будет, конечно же, нынешняя политика «один ребенок в семье». Между тем, именно эта политика способствовала быстрому китайскому росту через преодоление «ловушки бедности» – проклятия многих развивающихся стран. Эта ловушка заключается в высоких темпах роста населения, при которых инвестиций, финансируемых из ограниченных сбережений, едва хватает на то, чтобы создать новые рабочие места для быстрорастущего трудоспособного населения, а на рост капиталовооруженности, то есть на повышение оснащенности рабочих мест, которое только и ведет к росту производительности, денег уже не остается. При развале институтов и увеличении темпов роста населения поддерживать высокие темпы роста производства и доходов уже не удастся – хорошо еще если не будет кризиса. Но даже и простое снижение темпов роста для Китая обернется массой проблем. При сохранении же нынешней политики «один ребенок в семье» численность китайского населения должна стабилизироваться в 2030г. на уровне 1600 миллионов.

Новое поколение единственных в семье детей, о которых родители заботятся, как о «сяо хуан ди» - маленьких императорах, может изменить тысячелетние китайские традиции. Еще 20 лет, и поколение «сяо хуанди» станет половиной взрослого населения Китая – говорят, что эти пока еще молодые люди избалованы, эгоистичны, ставят личную выгоду выше общественной, что идет вразрез с вековыми «азиатскими ценностями», в соответствии с которыми интересы общества, общины, семьи всегда более важны, чем любые индивидуальные приоритеты. Не случайно самый древний в мире род с документированной родословной, включающей 77 поколений, в которой все прямые потомки (по старшему сыну) известны поименно, восходит к китайскому философу Конфуцию (родился в 551 году до н.э.). На фамильном кладбище Конфуция в городе Цуфу провинции Шаньдун захоронено за 25 веков более 100 тысяч членов семьи.

В Китае порядок основывается в значительной степени не на законе, а на общинных традициях: ответственность индивидуума перед общиной (семьей, коммуной, деревней, предприятием) значила и значит здесь, как и в других азиатских странах, порой больше, чем ответственность перед законом. Община – та же семья, только больше; она до сих пор ответственна и за предоставление общественных благ – деревенский староста в Китае и сейчас может назначить людей, чтобы доставить захворавшего в больницу, никто и не подумает отказываться, хотя закон не требует исполнения подобных повинностей.

Госпредприятия, а не государство, отвечают за предоставление жилья, пенсий, медицинских и социальных услуг для своих рабочих, и в гораздо большей степени, чем в бывшем СССР: в научно-исследовательских институтах китайской Академии наук до сих пор к каждому празднику выдают всем сотрудникам вместе с денежными премиями то несколько литров арахисового масла, то несколько килограмм риса, то коробку с мылом и шампунями, то портфель для ношения книжек. Этими шампунями и маслами, как впрочем и всеми другими товарами, вот уже как 25 лет завалены все магазинные прилавки, да и стоят они копейки, каждый может сам купить, но, согласитесь, когда институт дает вам не зарплату и премию, а натуральный продукт, тем более рис, основу жизни, между вами и работодателем складываются неформальные отношения. Институт заботится о вас, как семья, кормит, моет, одевает, а вы в свою очередь, даже против собственной воли, начинаете испытывать чувство признательности, причем даже не к руководству института (ведь рис-то дают всем в одинаковых количествах), а именно к институту как организации (общине). Если институт попросит вас что-то сделать, отказаться будет трудно. Рис-то брали? Брали. И сказать нечего.

Сегодня, однако, эти общинные связи и основанные на них неписанные моральные нормы медленно, но неуклонно разрушаются экономическим прогрессом, ведущим к урбанизации, повышению мобильности населения (миграции) и рабочей силы (более частая смена места работы и профессии). В Европе и США на место ответственности индивидуума перед общиной пришла ответственность перед богом и законом, в России (Африке, Латинской Америке) общинная ответственность уже в прошлом, а ответственность перед законом только складывается. В Восточной Азии общинная ответственность просуществовала дольше, чем где-либо в мире, но тоже постепенно исчезает. Что идет ей на смену?

В бога китайцы не очень верят, а если и верят, то не считают этого бога ответственным за соблюдение заповедей. Государство же поддерживает правопорядок часто безо всяких законов и судов, на основе вековых представлений о справедливости. Как и у нас в советские времена, в Китае, если уволили с работы или отменили автобусный маршрут, идут жаловаться в партком (райком, горком, обком, ЦК), а не в суд. Отделы писем и жалоб на всех уровнях партийной иерархии, как и у нас при советской власти, письма внимательно читают, жалобы разбирают, а народ туда часто обращается. Партия, конечно же, часть государственной машины, и немедленное отделение партии от государства создаст вакуум, и подорвет правопорядок, как это было у нас в 1991г.

В Южной Корее и на Тайване, где демократию вводили совсем недавно, в 80-е годы, все прошло относительно гладко и безболезненно хотя, конечно, смотря что считать безболезненным, – при подавлении студенческой демонстрации в Кванджу в 1980г. погибло несколько сот человек. Ну, так там и ВВП на душу населения был в 3 раза выше, чем сейчас в Китае, и альтернативные механизмы поддержания правопорядка (суды, арбитражи, прокуратура, а главное, умение властных структур проводить в жизнь свои предписания без партии и госбезопасности) были более развиты, и институты гражданского общества во многом сложились (неправительственные организации, призванные следить, чтобы бюрократия «не зарывалась»). Сумеет ли КПК создать эти альтернативные механизмы и неправительственные организации, которые заменят партийно-общинно-семейную по сути дела вертикаль, которая до сих пор так эффективно работает в Китае? Если не сумеет, то переход к демократии будет более похож на наш период безвластия и «смутного времени» 90-х годов, чем на корейско-тайваньскую организованную «мягкую посадку».